

Венгерский опыт строительства социализма в эпоху Яноша Кадара: взгляд из XXI века

Стыкалин Александр Сергеевич
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
Ведущий специалист
Российский государственный архив социально-политической истории
125009, ул. Большая Дмитровка, д. 15, Москва, Российская Федерация
E-mail: zhurslav@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Цитирование

Стыкалин А. С. Венгерский опыт строительства социализма в эпоху Яноша Кадара: взгляд из XXI века // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 139–160. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.06

Статья поступила в редакцию 09.12.2024.

Рецензирование завершено 12.02.2025.

Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация

Придя к власти при прямой советской военной поддержке в ноябре 1956 г. в условиях глубокого внутривластного кризиса в стране, венгерский политик Янош Кадар должен был на раннем этапе своей деятельности всецело выполнять волю Москвы. Однако, консолидировав власть и доказав, что полностью контролирует ситуацию в Венгрии, он мог позволить себе больше самостоятельности во внешней и внутренней политике. С начала 1960-х гг. режим неуклонно развивался по пути либерализации в соответствии с декларированным принципом «кто не против нас, тот с нами». В 1968 г. была начата экономическая реформа, однако в 1972–1974 гг. ее пришлось свернуть в силу внутренних противоречий и непрекращавшегося советского давления. С отказом от реформ венгерская модель социализма вступила в полосу кризиса, поддерживать достигнутый уровень благосостояния и минимизировать общественное недовольство удавалось лишь с помощью растущего внешнего долга. Специфика этой модели обеспечила, однако,

довольно плавный ее переход в иное качество в условиях «смены систем» на рубеже 1980-х – 1990-х гг.

Ключевые слова

Венгрия, венгерские события 1956 г., венгерская модель социализма, Янош Кадар, советско-венгерские отношения, реформы социализма.

Наиболее значительным совместным проектом российских и венгерских историков и архивистов, выполненным в первой половине 2020-х гг., стало комментированное научное издание записей советско-венгерских бесед и переговоров на высшем уровне в непростой период отношений двух стран, связанный с устранением последствий драматических событий осени 1956 г., явившихся серьезнейшим вызовом советской доминации в Центрально-Восточной Европе, установленной по итогам Второй мировой войны¹. Близится к завершению работа над вторым томом, который охватит период с конца 1964 по 1982 г., т. е. годы, когда венгерскому лидеру Яношу Кадару приходилось обсуждать и решать ключевые проблемы двусторонних советско-венгерских связей (и обмениваться мнениями по самому широкому кругу вопросов международных отношений, социалистической интеграции и мирового коммунистического движения) в диалоге уже не с Н. С. Хрущевым, а с Л. И. Брежневым. Вводимые в научный оборот документы РГАНИ и Венгерского национального архива (не только записи самих встреч, но и материалы, к ним готовившиеся) проливают свет на характер взаимоотношений руководителей двух стран, реконструируют конкретные обстоятельства принятия тех или иных решений (и, в частности, тех, что повели к свертыванию венгерской экономической реформы в 1972–1973 гг.), показывают роль советского фактора в той динамике, которую претерпела в 1950-е – 1980-е гг. кадаровская модель социализма, своеобразие которой особенно проявилось с провозглашением в 1967 г. курса на вышеупомянутую экономическую реформу и с формированием (во многом усилиями главного идеолога Венгерской социалистической рабочей партии Дьёрдя Ацела) более либеральной идеологической и культурной политики.

¹ Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Венгрии. 1957–1964. Сборник документов / отв. ред. А. В. Юрасов; вступ. ст. и прим. А. С. Стыкалина. М., 2023.

Правительство Яноша Кадара, как известно, было приведено к власти в Венгрии волею советского руководства в условиях, когда последнее после некоторых колебаний пошло на силовое подавление мощнейшего восстания, потрясшего до самых основ всю партийно-государственную систему в этой союзнической стране². При этом сам Янош Кадар не был той фигурой, которую руководители СССР, отказав в конце концов в поддержке скомпрометированному сталинисту Матяшу Ракоши, изначально хотели видеть в качестве его преемника. Прошедший в начале 1950-х годов через репрессии режима Ракоши Кадар относился к категории людей, «обиженных» существующей властью³, и уже сам этот факт вызывал определенное недоверие к нему в Москве. Были вопросы и к его деятельности во время Второй мировой войны⁴. В конце апреля 1956 г. посол СССР в Венгрии Ю. В. Андропов доносил в Москву, что предполагаемое восстановление Кадара – под давлением снизу, т. е. со стороны местных партийных активистов – в политбюро, членом которого он состоял до ареста в 1951 г., станет несомненной уступкой «правым и демагогическим элементам», выступавшим за смену руководства партии (как раз в это время на волне XX съезда КПСС на партсобраниях зазвучала ранее немыслимая критика Ракоши и практикуемых им методов⁵).

2 Эти колебания нашли отражение в записях заседаний Президиума ЦК КПСС, на которых в конце октября 1956 г. обсуждался «венгерский вопрос» (см.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998. Раздел 3).

3 С именем М. Ракоши, стоявшего до лета 1956 г. во главе венгерской компартии (с 1948 г., после объединения коммунистов с левыми социал-демократами, Венгерской партии трудящихся – ВПТ), связана жесткая коммунистическая диктатура, в которую постепенно переросла коалиционная форма правления левых антифашистских сил, установленная после освобождения страны в 1944–1945 гг. от германского нацизма и доморощенного режима Салаша. Кадар находился в заключении в 1951–1954 гг.

4 Речь идет, в частности, о фактическом роспуске при участии Кадара структур подпольной компартии в 1943 г. в условиях, когда ее деятельность была затруднена преследованиями властей, а Коминтерн, осуществлявший координацию мирового коммунистического движения из СССР, прекратил свое существование.

5 См. телеграмму Ю. В. Андропова в МИД СССР от 29 апреля 1956 г., которая тут же была переслана в ЦК КПСС и стала предметом обсуждения на заседании Президиума ЦК 3 мая: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 63–66.

Правда, член Президиума ЦК КПСС М. А. Сулов, посетивший Венгрию в первой половине июня с рабочим (своего рода инспекционным) визитом, никакой угрозы для дела социализма в Венгрии в избрании Кадара в политбюро не увидел⁶. Не увидел ее и другой член Президиума ЦК КПСС, А. И. Микоян, побывавший в Венгрии в середине июля и от имени советского руководства санкционировавший отставку Ракоши на пленуме ЦК ВПТ⁷. Тем не менее вплоть до трагических октябрьских событий Кадар не воспринимался в Москве как потенциальный кандидат на первую роль в венгерской партии. Ситуация изменилась лишь с началом восстания 23 октября, причем всего за несколько дней развитие событий в стране зашло настолько далеко, что руководителям КПСС ради сохранения в Венгрии коммунистов у власти пришлось проявить готовность к немалым уступкам. В частности, с целью расширения социальной базы действующего правительства они должны были согласиться на включение в его состав политиков из крестьянских партий, фактически прекративших функционировать в конце 1940-х гг. А что касается создания новой партии, способной заменить распавшуюся во время октябрьских событий ВПТ, и образования нового правительства, готового при советской поддержке «железной рукой» навести порядок, Н. С. Хрущев в ходе чрезвычайной встречи (на о. Бриони в Адриатике в ночь со 2-го на 3-е ноября) с югославским лидером И. Брозом Тито принял его предложение сделать ставку именно на Кадара как на одного из наименее скомпрометированных в прежние годы и довольно авторитетных коммунистов⁸.

Фигура Я. Кадара не слишком импонировала некоторым членам узкого советского руководства, которые особенно негативно восприняли его желание сразу отмежеваться от людей «команды Ракоши», не включать их в правительство. Н. С. Хрущеву приходилось

6 См. его телефонограмму из Будапешта от 13 июня 1956 г.: Там же. С. 85–87.

7 См. запись его беседы с Я. Кадаром от 14 июля: Там же. С. 160–168.

8 Из работ, анализирующих итоги брионской встречи, см.: *Едемский А. Б.* Был ли тайный сговор на Брионах накануне второй советской интервенции в Венгрии? (Советско-югославские консультации 2–3 ноября 1956 г.) // *Славянство, растворенное в крови. Сборник статей в честь 80-летия со дня рождения В. К. Волкова* / отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2010. С. 349–370; *Едемский А. Б.* По следам секретных консультаций на Брионах 2–3 ноября 1956 г. // *Славянский альманах*. 2010. М., 2011. С. 462–488.

отстаивать свой выбор, преодолевая сопротивление В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова. Недоверие проявилось не только в начале ноября 1956 г., когда состоялись своего рода «смотрины» Кадара в Москве и ему пришлось перед членами Президиума ЦК КПСС излагать собственную концепцию вывода страны из глубокого кризиса⁹, но и в марте 1957 г., когда Кадар прибыл с официальным визитом в СССР уже в качестве главы правительства и новой Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП). Правда, и сам Ракоши дал повод для того, чтобы в Москве окончательно поставили крест на его карьере. Утратив чувство реальности и самоконтроля, он буквально бомбардировал ЦК КПСС письмами с обвинениями Кадара и его окружения в проюгославском ревизионизме и мягкотелости в борьбе с «контрреволюцией». И когда дело дошло уже до прямых упреков руководителей КПСС в поощрении «гнилой линии», терпение в Кремле наконец иссякло. В апреле 1957 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление, где прямо было констатировано, что Ракоши «не осознал существа своих прошлых ошибок и огромного вреда, причиненного этими ошибками как делу строительства социализма в Венгрии, так и интересам всего социалистического лагеря и международного коммунистического движения»¹⁰. В соответствии с этим постановлением, против которого не возражали и поддерживавшие до тех пор Ракоши В. М. Молотов и К. Е. Ворошилов, бывший венгерский партийный лидер попадал в опалу. Он был оставлен в СССР на неопределенный срок, а местом его проживания на пенсии определили г. Краснодар, откуда было гораздо труднее, чем из Москвы, поддерживать связи с венгерскими делегациями и командированными лицами, приезжавшими по разным делам в СССР, и оказывать через них политическое влияние¹¹.

Как бы то ни было, недоверие советских лидеров Кадару приходилось преодолевать прежде всего собственными усилиями, идя на неизбежные компромиссы. Документы, и в том числе записи двусторонних встреч на высшем уровне, показывают, как менялась его позиция.

9 См. записи заседаний Президиума ЦК КПСС от 2 и 3 ноября 1956 г., в которых участвовали и руководители будущего венгерского правительства Я. Кадар и Ф. Мюнних: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 515–522, 542–547.

10 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2003. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. С. 1000.

11 На родину он так и не возвратился, скончавшись в 1971 г. в г. Горьком.

В начале ноября 1956 г., принимая участие в вышеупомянутых заседаниях Президиума ЦК КПСС, Кадар отстаивал требование скорейшего вывода советских войск. Но, вернувшись на родину, он смог воочию убедиться, сколь минимальна поддержка снизу его власти, опиравшейся исключительно на советские штыки (вооруженное сопротивление повстанцев в первую неделю после ввода войск; массовые забастовки и саботаж; формирование рабочих советов и их претензии выступить в качестве альтернативной власти). О том, насколько было изолировано от общества новое правительство, свидетельствует хотя бы тот факт, что в середине ноября Кадар не передвигался по оккупированному Будапешту без сопровождения переводчика, поскольку, совсем не владея в то время русским языком, не мог изъясниться с патрулями¹².

В первые месяцы пребывания во главе правительства Кадар не просто испытывал сильное давление Москвы, можно сказать больше: в ноябре 1956 г. Венгрией фактически управляли находившиеся в Будапеште члены Президиума ЦК КПСС Г. М. Маленков, М. А. Суслов и председатель КГБ И. А. Серов¹³. Венгерскому лидеру приходилось наращивать влияние постепенно, при этом не отклоняясь от исполнения воли советского руководства, поскольку при неудовлетворенности результатами происходившей в Венгрии консолидации оно всегда могло поставить и решить вопрос о его замене¹⁴. Первым успехом Кадара во взаимоотношениях с руководством КПСС явилось (помимо изоляции Ракоши) признание за ним права на формирование собственной команды из людей, которых он считал пригодными для выполнения ключевых функций в сложившихся условиях¹⁵.

12 См. мемуары В. С. Байкова, который в ноябре 1956 г. был переводчиком Кадара: *Байков В. С.* 1956. Венгрия глазами очевидца. М.; СПб., 2016.

13 Их донесения того времени см.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Раздел 4.

14 Весьма показательны, что сразу после поездки Н. С. Хрущева в начале января 1957 г. в Будапешт, где прошло засекреченное совещание руководителей ряда стран Организации Варшавского договора (ОВД), посвященное положению в Венгрии, были приняты, явно под давлением Москвы, меры, ознаменовавшие собой ужесточение проводимой внутривосточной линии (в том числе приостановка деятельности Союза писателей и Союза журналистов, рассматривавшихся как идеологические центры оппозиции).

15 Из членов политбюро ЦК ВПТ времен Ракоши в руководство ВСРП и новое правительство вошел только А. Апро, впоследствии долгие годы возглавлявший венгерские делегации на двусторонних советско-венгерских экономических переговорах.

К ноябрю 1957 г. положение в Венгрии уже не вызывало слишком большого беспокойства руководителей СССР, об этом можно судить хотя бы по тому, что в дни большого московского совещания компартий в ходе встречи с Я. Кадаром Н. С. Хрущев, как это ни удивительно, уделил больше внимания ситуации на Ближнем Востоке, нежели внутренним проблемам Венгрии¹⁶. А в апреле следующего, 1958-го, года по итогам 10-дневного официального визита в Венгрию Хрущев убедился, что консолидация власти проходит успешно, положение в Венгрии стабильно, страна перестала быть слабым звеном в восточном, советском блоке. И, соответственно, пришел к выводу, что выбор Кадара в качестве нового партийно-государственного лидера себя оправдал¹⁷.

Это, впрочем, отнюдь не означало улучшения имиджа режима Я. Кадара в мировом общественном мнении, что проявилось и в его международной изоляции. Казнь в июне 1958 г. бывшего премьер-министра Имре Надя, чья неспособность сдержать осенью 1956 г. резкий сдвиг вправо была расценена на организованном судебном процессе как сознательная попытка свержения существующего государственного строя, вызвала крайне негативный отклик даже в левых кругах, включая западные компартии¹⁸. Однако к началу 1960-х гг. этот режим, воспринимавшийся многими в мире как одиозный, претерпел заметную эволюцию. По мере укрепления власти и стабилизации экономического положения менялась и тактика

16 См.: Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1956–1959. Budapest, 1997. 230–231. о. Публикация материалов совещания дает представление о роли Кадара и характере обсуждения на нем «венгерского вопроса» в свете событий осени 1956 г.: Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.). М., 2013.

17 См.: *Стыкалин А. С., Джалилов Т. А.* «Думать, что коммунистическое общество будет в пределах границ Советского Союза, – это значит ничего не понимать в коммунизме». Неопубликованное выступление Н. С. Хрущева в Венгрии (апрель 1958 г.) // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 389–419.

18 См., например, запись беседы с председателем компартии Великобритании Г. Поллитом от 21 июля 1958 г.: Компартия Великобритании и венгерский кризис 1956 года. Документы из фондов ЦХСД // Исторический архив. 1995. № 1. С. 46. О деятельности Имре Надя в условиях венгерской антитоталитарной революции 1956 г. и о последующей подготовке судебного процесса по его делу см.: *Райнер М. Я.* Имре Надя, премьер-министр венгерской революции 1956 года. Политическая биография. М., 2006.

Капара, стремившегося обрести внутренние опоры устойчивости своего правления, не зависящие от присутствия в Венгрии советских войск. Задачи запугивания реальной или потенциальной оппозиции отходили на второй план, уступая место попыткам «наведения мостов» к венгерской нации. В 1960–1963 гг. было амнистировано большинство осужденных и переживших репрессии участников событий 1956 г., что вызвало благоприятный отклик в мире: венгерский вопрос в 1963 г. был снят с повестки дня ООН, страна начала выходить из внешнеполитической изоляции¹⁹. Ранее завоеванное политическое доверие руководства СССР позволяло венгерскому правительству не только ослабить давление на общество, но и расширить поле внешнеполитических маневров, хотя и с оглядкой на Москву. К середине 1960-х гг. восстановились полноценные дипломатические отношения на уровне послов почти со всеми западноевропейскими странами (включая Великобританию, Францию, Италию, соседнюю Австрию), в 1967 г. – с США²⁰. Открытость контактам с Западом и некоторая либерализация особенно проявились в культурной политике, что способствовало оживлению в разных областях художественного творчества и гуманитарного знания. Интеллигенция в 1960-е гг. получила возможность выезжать на Запад, а у себя дома свободно излагать взгляды по многим вопросам, не касаясь лишь узкого круга табуированных тем. Нельзя было, в частности, публично и резко критиковать политику лидеров СССР, требовать вывода советских войск и называть события осени 1956 г. «революцией», ибо такое определение автоматически делегитимизировало приход кадаровского правительства к власти.

19 См.: Стыкалин А. С. Обсуждение «венгерского вопроса» в ООН и проблемы выхода Венгрии из внешнеполитической изоляции (1957–1963 гг.) // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 100–131.

20 Некоторое исключение составляла ФРГ, внешнюю политику которой до 1969 г. определяла доктрина Хальштейна, исходившая из непризнания ГДР и не позволявшая никому, кроме СССР, поддерживать дипломатические отношения одновременно с обоими германскими государствами (она была смягчена только в 1967–1968 гг. с установлением дипотношений Румынии и Югославии с Западной Германией). Но даже при отсутствии дипотношений ФРГ выдвинулась на роль наиболее значительного торгового партнера Венгрии из числа западных стран. Торговые представительства ФРГ и Венгрии с 1963 г. обладали и консульскими функциями.

Особого упоминания заслуживает отношение венгерского партийного актива и более широкого общественного мнения к принципам построения социализма, декларированным Союзом коммунистов Югославии (так называемой концепции самоуправления). Югославский опыт при всей его неоднозначности привлекал большое внимание реформаторски настроенных венгерских коммунистов в 1956 г. на волне XX съезда КПСС и разоблачений сталинской политической практики. Однако после всего пережитого венграми осенью 1956 г. югославская однопартийная модель с фиктивным рабочим самоуправлением смотрелась весьма тускло на фоне восстановленного в дни октября, пусть на короткий срок, коалиционного правления, а тем более на фоне собственных рабочих советов, некоторое время реально претендовавших на роль альтернативы однопартийной системе. Странники далеко идущих демократических перемен сильно разочаровались в режиме Тито ввиду его крайне непоследовательной линии в условиях венгерских событий²¹. Что же касается Кадара и его команды, оказавшихся у власти вследствие подавления революции, то они были заинтересованы в хороших отношениях с Югославией (тем более что она сразу официально признала новое венгерское правительство). Вместе с тем им явно были не по душе апологетические высказывания главного идеолога Союза коммунистов Югославии Э. Карделя о находившихся в оппозиции кадаровскому режиму венгерских рабочих советах, в которых в условиях хаоса и временного безвластия конца октября – начала ноября 1956 г. он увидел «единственную реальную социалистическую силу, которая, вероятно, очень скоро избавилась бы от чуждых антисоциалистических влияний, если бы взяла на себя главную ответственность за власть на предприятиях»²². Почву для конфликта создавало и «дело» Имре

21 См.: *Гибианский Л. Я.* Венгерская революция 1956 г. и искушение «антисталинского сталинизма»: руководство Югославии между стремлениями к подрыву блокового гегемонизма Кремля и к сохранению коммунистического господства в Восточной Европе // *Венгерский кризис 1956 г. в контексте хрущевской оттепели, международных и межблоковых отношений* / отв. ред. А. С. Стыкалин. М.; СПб., 2018. С. 62–91.

22 Выступление Э. Карделя в Скупщине Федеративной Народной республики Югославии (ФНРЮ) от 7 декабря 1956 г., в котором содержалась подобная характеристика, было подвергнуто критике и в советской печати. См.: *Румянцев А.* Социалистическая действительность и «теории» тов. Э. Карделя // *Коммунист.* 1956. № 18. С. 11–34.

Надя, который, как известно, со вступлением советских войск в Будапешт на рассвете 4 ноября нашел убежище в югославском посольстве, после выхода из него был задержан и депортирован в Румынию, а позже передан новым венгерским властям и казнен вопреки данным югославам обещаниям не привлекать его к ответственности²³. Как бы то ни было, обе стороны предприняли усилия по нормализации отношений, ни одна из них не была заинтересована в том, чтобы педалировать напряженность. Летом 1963 г. Кадар говорил посетившему Венгрию генеральному секретарю ООН У Тану, что в отношениях Венгрии и Югославии на тот момент не существовало проблемы И. Нады: «Об этом деле не вспоминают и считают его закрытым, а значит нет необходимости и в том, чтобы его ворошила какая-либо третья сторона»²⁴. Венгерское руководство выступало за поступательное развитие межгосударственных отношений с ФНРЮ, и эти отношения активно развивались – при том, что в Будапеште действовали с оглядкой на Москву и вопреки предложениям югославов не шли на установление тесных межпартийных связей, учитывая, что критика югославского ревизионизма была включена в итоговый документ совещания компартий 1960 г.²⁵ С другой стороны, ни венгерская партийно-государственная элита, ни общественное мнение, крайне чувствительное к положению венгерских национальных меньшинств в соседних странах, не имели в этом плане претензий к Югославии, более того, последняя зачастую выступала как позитивный пример, который при случае противопоставляли нарушению прав трансильванских венгров румынскими властями, что нашло отражение и в записях двусторонних советско-венгерских бесед на высшем уровне²⁶.

Экономическое положение в Венгрии с каждым годом улучшалось, рос уровень жизни населения – в немалой мере благодаря советским

23 См.: *Стыкалин А. С.* «Дело Имре Нады» в контексте советско-югославских и венгерско-югославских отношений 1950-х годов // *Славяне и Россия в системе международных отношений / отв. ред. С. И. Данченко.* М., 2017. С. 275–295.

24 Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Венгрии. 1957–1964. С. 664.

25 Правда. 1960. 6 декабря.

26 К теме румынского национализма стороны нередко обращались в ходе бесед и в связи с особой позицией Румынии по вопросам экономической интеграции социалистических стран, отношений с Китаем и т. д.

финансовым вливаниям²⁷, но также и благодаря довольно взвешенной аграрной политике, ставившей во главу угла эффективность работы сельхозкооперативов, создававшихся с конца 1950-х гг. не без учета реальных материальных интересов крестьянства – по контрасту с коллективизацией начала 1950-х, следовавшей советским образцам.

На фоне естественных ожиданий венгерским обществом (прошедшим в XX в. через огромные политические и социальные потрясения) более спокойной и благополучной жизни коммунист-прагматик Я. Кадар выдвинул в 1961 г. знаменитый программный лозунг «Кто не против нас, тот с нами», ставший по сути главной идеологемой венгерской модели социализма. В качестве цели провозглашалось достижение национального единства, согласия и примирения на определенной компромиссной платформе. Речь шла о взаимных уступках: заключая с венгерской нацией своего рода негласный общественный договор, правительство монопольно правившей партии, ВСРП, требовало от граждан минимального конформизма, и прежде всего отказа от политической активности (которая легко могла принять оппозиционный характер) и соблюдения ряда вышеупомянутых табу, в обмен не только на гарантированный и по возможности растущий материальный достаток²⁸, но и на право дополнительно зарабатывать в системе теневой экономики с элементами рынка. Известный бухаринский лозунг 1920-х гг. «Обогащайтесь!» получил наиболее законченное воплощение в условиях реального социализма 1960-х – 1970-х гг. именно в кадаровской Венгрии. Венгерское общество, уставшее от материальных лишений и духовных травм минувших десятилетий²⁹, заинтересованное в стабильности и спокойствии, в целом готово было принять эти правила игры: политическая активность сознательно

27 См.: Советско-венгерские экономические отношения. 1948–1973. Документы. М., 2012.

28 Поскольку экономическая реформа, начатая в 1968 г., к 1973–1974 гг. была свернута в силу как неблагоприятных внешних факторов, так и противодействия части венгерского общества, недовольного усилением социального расслоения, экономика оставалась неэффективной, и ради повышения, а затем и просто поддержания достигнутого жизненного уровня приходилось увеличивать внешний долг, что создало Венгрии немалые проблемы в 1970-е годы, с повышением цен на нефть в результате конфликта 1973 г. на Ближнем Востоке.

29 Начиная с Трианонского мирного договора 1920 г., сократившего втрое территорию венгерского государства.

приносилась подавляющим большинством граждан в жертву постепенно растущему материальному благополучию, и этот рост удавалось обеспечивать до второй половины 1970-х гг., когда вследствие неблагоприятной экономической конъюнктуры возникли новые трудности. Именно в создании деполитизированного общества режим видел главную задачу своей идеологической политики, резонно связывая с любого рода политизацией не просто возникновение потенциальной фронды, но и перспективу формирования реальной оппозиции (официально это, конечно, не афишировалось). Этой программе, как выше уже было отмечено, соответствовала и культурная политика, связанная прежде всего с именем Дьёрдя Ацела: она не только декларировала, но и на практике проявляла толерантность ко всем явлениям общественной мысли и художественного творчества, не угрожавшим основам существующего режима³⁰.

Убеждаясь в прочности коммунистического режима в кадаровской Венгрии и лояльности ее лидера общей линии советского блока³¹, Москва в свою очередь была готова предоставить Кадару несколько больше свободы во внутренней политике. Воспользовавшись этим, он и решился приступить в 1968 г. к реформе всего экономического механизма, предполагавшей расширение коммерческой самостоятельности предприятий, обеспечение некоторого простора для частной инициативы в торговле и сфере обслуживания, более широкое применение материальных стимулов в экономике, которым венгерская прагматическая модель реального социализма 1960-х – 1970-х гг. всегда отдавала предпочтение перед любыми другими стимулами (показательны высказывания Кадара о «естественном праве людей завтра

30 О положении творческой интеллигенции в кадаровской Венгрии в условиях либерализации коммунистического режима см.: *Гусев Ю. П. Ддиссиденты и диссидентствующие // Инакомыслие в условиях «реального социализма». Поиски новой государственности. Конец 60-х – 80-е гг. XX в. / отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2014. С. 610–625. О деятельности главного идеолога режима Кадара Д. Ацела в контексте своей эпохи см.: Révész S. Aczél és korunk. Budapest, 1997.*

31 Эта лояльность отчетливо проявилась в условиях глубокого раскола в мировом коммунистическом движении, связанного с борьбой КПСС и КПК за доминирование в нем. Позиция ВСРП в этом плане, как и ее позиция по вопросам экономической интеграции стран СЭВ, особенно резко контрастировала с линией румынской компартии, возглавляемой в 1965–1989 гг. Н. Чаушеску.

жить лучше, чем сегодня» и о том, что «народ существует не для того, чтобы опробовать на нем правоту марксизма»). Я. Кадар и его окружение надеялись, что реализация их реформаторских планов придаст свежие силы венгерскому социализму.

Руководство ВСРП внимательно наблюдало за Пражской весной³². Поддерживая экономическую составляющую чехословацких реформ, Кадар в то же время предостерегал лидеров соседней страны от утраты контроля за ходом событий и от далеко идущих политических нововведений, способных ослабить и даже поставить под угрозу руководящую роль правящей компартии (эта догма для него, коммуниста с многолетним стажем, оставалась священной до последних дней жизни³³). Вместе с тем в Будапеште осознавали, что полный крах Пражской весны нанесет удар и по осуществлению планов венгерских реформ, направленных на рационализацию экономики, а потому, критикуя чехов за неприемлемые для него уступки, Кадар в то же время отдавал несомненное предпочтение политическому разрешению конфликта между Прагой и Москвой. Летом 1968 г. венгерский лидер пытался даже выступить в роли посредника (редкий случай, когда он взял на себя столь активную миссию во внешней политике!). Однако в момент развязки Кадар, не решившись противопоставить себя большинству союзников по ОВД, дал, как известно, принципиальное согласие на участие Венгрии в военной акции 21 августа 1968 г. (которую сам считал явно преждевременной)³⁴. Его вынужденный компромисс стал отражением неблагоприятных условий и объективных исторических лимитов, в которых реализовывалась реформаторская программа венгерского социализма. Август 1968 г. не только стал новой демонстрацией прочности биполярной ялтинско-потсдамской системы, но и еще раз напомнил венграм об ограниченном суверенитете их государства в условиях его принадлежности к советскому блоку.

32 См. подробно: *Стыкалин А. С.* «Пражская весна» 1968 года и позиция руководства Венгрии // Новая и новейшая история. 2012. № 5. С. 21–41.

33 Последняя речь Яноша Кадара // Неприкосновенный запас. 2015. № 4. С. 141–159.

34 Его позиция проявилась в ходе обсуждения чехословацкого вопроса на встречах лидеров ряда стран – членов ОВД в 20-х числах августа 1968 г. См.: «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010.

Попытка спасти ценой компромисса экономические реформы, таким образом, не удалась. Важно иметь в виду, что реформы эти были свернуты не столько в результате внутренних трудностей и противоречий, сколько вследствие непрекращавшегося советского давления³⁵. Вместе с тем вплоть до второй половины 1970-х гг. в Венгрии, пусть ценой внешнего долга, но в целом удавалось поддерживать достигнутый жизненный уровень.

Продолжали развиваться разносторонние (в том числе экономические и культурные) связи страны с внешним миром. Как умеренный коммунист-прагматик, персонифицировавший собой довольно благополучную социалистическую страну, ставшую на какое-то время витриной советского блока, Кадар в 1970-е гг. был довольно популярен в западноевропейском экспертном сообществе. Можно сказать больше: среди западных леволиберальных экспертов в середине 1970-х возникает даже своего рода мода на Кадара, о нем все чаще пишут не только как о коммунисте-реформаторе, но и как о наиболее уважаемом восточноевропейском политике, которому удалось надолго примирить общество с коммунистическим режимом³⁶. Этому способствовала и довольно продуманная внешняя политика. Оставаясь лояльным членом ОВД, Венгрия вместе с тем проявляла постоянную заинтересованность в общеевропейском и региональном сотрудничестве. Показательно выступление Кадара на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшемся в Хельсинки летом 1975 г. Неожиданно для Москвы (опасавшейся любого напоминания о застарелых территориальных спорах в сфере ее влияния) венгерский лидер вдруг напомнил мировому общественному мнению о незаживающей для национального сознания венгров ране – Трианонском договоре, сделав это, однако, отнюдь не в реваншистских целях. Он говорил о том, что Венгрия объективно заинтересована в экономической открытости и интеграционных процессах в большей мере, нежели многие другие страны, поскольку это единственный путь, способный в экономическом плане компенсировать территориальные утраты, явившиеся неизбежным следствием мировых катаклизмов.

35 Это давление нашло отражение в записях встреч Л. И. Брежнева и Я. Кадара за 1972 и последующие годы, которые будут опубликованы в готовящемся к печати втором томе вышеупомянутого сборника записей советско-венгерских переговоров на высшем уровне.

36 См., например: *Shawcross W. Crime and Compromise: János Kádár and the politics of Hungary since Revolution*. New York, 1974.

В знак признания заслуг Кадара в придании политическому режиму «более человеческого» лица Венгрии была торжественно возвращена национальная реликвия — корона первого венгерского короля, «святого Иштвана», вывезенная в конце Второй мировой войны на Запад. В 1970-е гг. с Кадаром встречались Валери Жискар д'Эстен и Вилли Брандт, Франсуа Миттеран и папа римский Павел VI. Западное леволыберальное общественное мнение было зачастую склонно идеализировать венгерского лидера. Так, казнь Имре Надя приписывали почти исключительно давлению Москвы, и только в 2000-е гг. наступила пора демифологизации. Как явствует из опубликованной в это время нами записи заседания Президиума ЦК КПСС от 5 февраля 1958 г., Кадару в совершенно недвусмысленной форме предлагалось проявить не только твердость, но и великодушие³⁷, что можно однозначно интерпретировать как пожелание не доводить суд над Имре Надем до смертного приговора (дело было, впрочем, как представляется, отнюдь не в «гуманизме» советских лидеров, а в том, что смертный приговор испортил бы на Западе впечатление от новых мирных инициатив СССР). В действиях же Кадара была своя логика, он послушался тогда Москву, и не только под давлением собственных сталинистов, которых жестким приговором Имре Нады навсегда разоружил. Свергнутый премьер, отказавшийся признать новую власть, самим существованием воплощал бы живую политическую альтернативу и напоминал бы до конца своих дней венгерской нации о нелегитимности прихода Кадара к власти. В силу этого он был крайне неудобен для последнего.

Однако именно в те годы, когда популярность Кадара на Западе достигла своего пика, венгерская модель социализма медленно, но неотвратимо вступила в полосу кризиса, что проявилось в исчерпанности внутренних ресурсов для продолжения экономического подъема, новых симптомах общественного недовольства и ответном усилении административного пресса. 15 марта 1973 г., в день 125-летия начала революции 1848 г., была разогнана масштабная студенческая демонстрация. Идеологическая и культурная политика более четко обозначала пределы толерантности к оппозиционным явлениям; подвергались травле влиятельные интеллектуалы, в том числе из учеников всемирно известного философа-марксиста Дьёрдя Лукача (Агнеш Хеллер и др.), что заставило некоторых из них со временем покинуть страну. Со второй половины 1970-х годов

37 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 293.

кадаровская Венгрия медленно, но со всей определенностью приближалась к экономическим и политическим стандартам находящегося в зоне влияния СССР социалистического государства, присущим застойной брежневской эпохе, сохраняя некоторый флер либерализма, все более испарявшийся, но проявлявшийся, помимо культурной политики, в ограниченном присутствии мелкого предпринимательства в торговле, сфере услуг, строительстве и т. д. Поскольку экономика не была эффективной, негласный общественный договор, гарантировавший неуклонное повышение уровня жизни населения в обмен на отказ от нежелательной политической активности, к началу 1980-х уже не всегда удавалось выполнять даже ценой постоянно растущего внешнего долга. Чтобы несколько ослабить экономическую зависимость от СССР и расширить поле для маневрирования во внешнеэкономической сфере, в 1982 г. Венгрия вопреки настоятельным рекомендациям Москвы (!) вступила в Международный валютный фонд. В условиях роста общественного недовольства к началу 1980-х гг. в кадаровской Венгрии сформировались структуры оппозиционного движения, активизировался самиздат, привлекавший все большее внимание интеллигенции. Радикальное крыло оппозиции, солидаризируясь с идеями и лозунгами польской «Солидарности», было не против перенесения тех же методов на венгерскую почву, что всерьез беспокоило Кадара и его окружение. Выходца из будапештского пролетариата, знавшего его менталитет изнутри и умевшего излагать любые идеи на доступном языке, Кадара ничто так не волновало, как утрата доверия к себе и своему правлению основной массы рабочего класса.

Венгрия поддержала введение военного положения в Польше 13 декабря 1981 г.; к разочарованию Запада, она ни на шаг не отклонилась от выполнения союзнических обязательств в условиях нового витка холодной войны³⁸. Негативное отношение к вторжению СССР в Афганистан венгерское руководство не афишировало³⁹. Вместе с тем

38 См. подробнее: *Стыкалин А. С.* Польский кризис 1980–1981 годов и позиция руководства Венгрии. Опыт событий 1956 года в 25-летней ретроспективе // *Славяноведение*. 2011. № 5. С. 52–67.

39 По глубокому убеждению Я. Кадара, ОВД, как это изначально было определено при ее создании в 1955 г., должна была всегда оставаться структурой европейской; он всегда высказывался против планов включения в нее Кубы и Монголии, ибо это неизбежно привело бы к усилению конфронтации стран ОВД с США и, соответственно, с Китаем.

оно не скрывало обеспокоенности тем, что в обстановке усиления конфронтационности не удастся сохранить достигнутый уровень всевропейского сотрудничества, и в той мере, в какой позволял статус малой страны – члена ОВД, прилагало все усилия для того, чтобы свести к минимуму негативные эффекты⁴⁰. В этих непростых условиях Венгрию и ее многолетнего правителя застал приход к власти в СССР команды М. С. Горбачева с заявленной ею программой кардинального обновления основ мирового социализма. К концу 1980-х гг. для большинства граждан Венгрии стало очевидно, что реальный социализм даже в его умеренно-прагматическом венгерском варианте не выдержал испытания временем и должен был неминуемо уступить место иным, плюралистическим и основанным не на государственной собственности формам общественного устройства.

Специфика кадаровского режима в Венгрии позволила сделать более плавным переход от монополии коммунистов на власть к реальной многопартийности и выборам на конкурентной основе в конце 1980-х гг. Но результат, однако, мало чем отличался от того, что произошло в других странах Восточной Европы. День смерти Кадара 6 июля 1989 г. символическим образом совпал с полной юридической реабилитацией его политического оппонента Имре Надя, который не был в отличие от Кадара сильным практическим политиком, но чье идейное наследие оказалось широко востребовано в эпоху смены систем, ознаменовавшей начало принципиально нового этапа в истории страны.

Союзнические обязательства Венгрии как члена ОВД по определению не могли быть перенесены на азиатскую или латиноамериканскую почву. С другой стороны, Кадар дорожил своей репутацией коммуниста, свободного от национальной ограниченности, и в силу этого охотно подключался к акциям проявления солидарности с коммунистическим движением за пределами советского блока. Показательно также подключение венгерской дипломатии в середине 1960-х гг. к мирному урегулированию во Вьетнаме.

40 Из литературы о внешней политике Венгрии в этот период см.: *Békés C. Hungary's Cold War. International Relations from the End of World War II to the Fall of the Soviet Union.* Chapel Hill, 2022. Chapter 9.

Источники и литература

Байков В. С. Венгрия глазами очевидца. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 152 с.

Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Венгрии. 1957–1964. Сборник документов / отв. ред. А. В. Юрасов; вступ. ст. и прим. А. С. Стыкалина. М.: Кучково поле Музеон, 2023. 992 с.

Гибанский Л. Я. Венгерская революция 1956 г. и искушение «анти-сталинского сталинизма»: руководство Югославии между стремлениями к подрыву блокового гегемонизма Кремля и к сохранению коммунистического господства в Восточной Европе // Венгерский кризис 1956 г. в контексте хрущевской оттепели, международных и межблоковых отношений / отв. ред. А. С. Стыкалин. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 62–91.

Гусев Ю. П. Диссиденты и диссидентствующие // Инакомыслие в условиях «реального социализма». Поиски новой государственности. Конец 60-х – 80-е гг. XX в. / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 610–625.

Едемский А. Б. Был ли тайный сговор на Брионах накануне второй советской интервенции в Венгрии? (Советско-югославские консультации 2–3 ноября 1956 г.) // Славянство, растворенное в крови. Сборник статей в честь 80-летия со дня рождения В. К. Волкова / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2010. С. 349–370.

Едемский А. Б. По следам секретных консультаций на Брионах 2–3 ноября 1956 г. // Славянский альманах. 2010. М.: Индрик, 2011. С. 462–488.

Компартия Великобритании и венгерский кризис 1956 года. Документы из фондов ЦХСД / публикацию подготовили Е. Д. Орехова и В. Т. Середа // Исторический архив. 1995. № 1. С. 46–49.

Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.). М.: РОССПЭН, 2013. 624 с.

Последняя речь Яноша Кадара / публ. О. Якименко // Неприкосновенный запас. 2015. № 4. С. 141–159.

Правда (газета). 1960.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М.: Международный фонд «Демократия», 2010. 428 с.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М.: РОССПЭН, 2003. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. 1344 с.

Райнер М. Я. Имре Надь, премьер-министр венгерской революции 1956 года. Политическая биография. М.: Логос, 2006. 328 с.

Румянцев А. Социалистическая действительность и «теории» тов. Э. Карделя // Коммунист. 1956. № 18. С. 11–34.

Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М.: РОССПЭН, 1998. 864 с.

Советско-венгерские экономические отношения. 1948–1973. Документы. М.: Международный фонд «Демократия», 2012. 576 с.

Стыкалин А. С. «Дело Имре Надя» в контексте советско-югославских и венгерско-югославских отношений 1950-х годов // Славяне и Россия в системе международных отношений / отв. ред. С. И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 275–295.

Стыкалин А. С. Обсуждение «венгерского вопроса» в ООН и проблемы выхода Венгрии из внешнеполитической изоляции (1957–1963 гг.) // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 100–131. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.06.

Стыкалин А. С. Польский кризис 1980–1981 годов и позиция руководства Венгрии. Опыт событий 1956 года в 25-летней ретроспективе // Славяноведение. 2011. № 5. С. 52–67.

Стыкалин А. С. «Пражская весна» 1968 года и позиция руководства Венгрии // Новая и новейшая история. 2012. № 5. С. 21–41.

Стыкалин А. С., Джалилов Т. А. «Думать, что коммунистическое общество будет в пределах границ Советского Союза, – это значит ничего не понимать в коммунизме». Неопубликованное выступление Н. С. Хрущева в Венгрии (апрель 1958 г.) // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 389–419. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.4.04.

Békés C. Hungary's Cold War. International Relations from the End of World War II to the Fall of the Soviet Union. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2022. 400 p.

Révész S. Aczél és korunk. Budapest: Sík, 1997. 440 p.

Shawcross W. Crime and Compromise: János Kádár and the politics of Hungary since Revolution. New York: E. P. Dutton, 1974. 312 p.

Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1956–1959. Budapest: MTA, 1997. 498 p.

References

Baikov, V. S. 1956. *Vengriia glazami ochevidtса*. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2016, 152 p.

Békés, C. *Hungary's Cold War. International Relations from the End of World War II to the Fall of the Soviet Union*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2022, 400 p.

Edemskii, A. B. “Byl li tainyi sgovor na Brionakh nakanune vtoroi sovetskoi interventsii v Vengrii? (Sovetsko-iugoslavskie konsultatsii 2–3 noiabria 1956 g.)”

Slavianstvo, rastvorennoe v krovi. Sbornik statei v chest' 80-letiiia so dnia rozhdeniia V. K. Volkova, ed. by K. V. Nikiforov. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2010, pp. 349–370.

Edemskii, A. B. “Po sledam sekretnykh konsultatsii na Brionakh 2–3 noiabria 1956 g.” *Slavianskii al'manakh*, 2010. Moscow: Indrik, 2011, pp. 462–488.

Gibianskii, L. Ia. “Vengerskaia revoliutsiia i iskushenie «antistalinskogo stalinizma»: rukovodstvo Iugoslavii mezhdru stremleniiami k podryvu blokovogo gegemonizma Kremliia i k sokhraneniuiu kommunisticheskogo gospodstva v Vostochnoi Evrope.” *Vengerskii krizis 1956 g. v kontekste khrushchovskoi ottepli, mezhdunarodnykh i mezhblokovykh otnoshenii*, ed. by A. S. Stykalin. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2018, pp. 62–91.

Gusev, Iu. P. “Dissidenty i dissidentstvuiushchie.” *Inakomyslie v usloviakh “real'nogo sotsializma”*. *Poiski novoi gosudarstvennosti. Konets 60-kh – 80-e gg. XX v.*, ed. by K. V. Nikiforov. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2014, pp. 610–625.

“Kompartiiia Velikobritanii i vengerskii krizis 1956 goda. Dokumenty iz fondov TsKhSD,” prepared by E. D. Orekhova, V. T. Sereda. *Istoricheskii arkhiv*, 1995, No 1, pp. 46–49.

Mezhdunarodnye soveshchaniia predstavitelei kommunisticheskikh i rabochikh partii v Moskve (noiabr' 1957 g.). Moscow: ROSSPEN, 2013, 624 p.

“Posledniaia rech' Janosa Kadara,” publ. by O. Iakimenko. *Neprikosnovennyi zapas*, 2015, No 4, pp. 141–159.

“*Prazhskaia vesna*” i mezhdunarodnyi krizis 1968 goda. *Dokumenty*. Moscow: Mezhdunarodnyi fond “Demokratiia”, 2010, 428 p.

Prezidium TsK KPSS. 1954–1964. Vol. 1. Chernovye protokol'nye zapisi zasedanii. Stenogrammy. Moscow: ROSSPEN, 2003, 1344 p.

Rainer, M. J. *Imre Nagy, prem'er-ministr vengerskoi revoliutsii 1956 goda. Politicheskaiia biografiia*. Moscow: Logos, 2006, 328 p.

Révész, S. *Aczél és korunk*. Budapest: Sík, 1997, 440 p.

Rumiantsev, A. “Sotsialisticheskaiia deistvitel'nost' i “teorii” tov. E. Kardelia.” *Kommunist*, 1956, No 18, pp. 11–34.

Shawcross, W. *Crime and Compromise: János Kádár and the politics of Hungary since Revolution*. New York: E. P. Dutton, 1974, 312 p.

Sovetskii Soiuz i vengerskii krizis 1956 goda. Dokumenty. Moscow: ROSSPEN, 1998, 864 p.

Sovetsko-vengerskie ekonomicheskie otnosheniia. 1948–1973. Dokumenty. Moscow: Mezhdunarodnyi fond “Demokratiia”, 2012, 576 p.

Stykalin, A. S. “«Delo Imre Nagya» v kontekste sovetsko-iugoslavskikh i vengersko-iugoslavskikh otnoshenii 1950-kh godov.” *Slaviane i Rossiia v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii*, ed. by S. I. Danchenko. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2017, pp. 275–295.

Stykalin, A. S. “Obsuzhdenie «vengerskogo voprosa» v OON i problemy vykhoda Vengrii iz vneshnepoliticheskoi izoliatsii (1957–1963 gg.)” *Slavianskii al'manakh*, 2023, No 1–2, pp. 100–131. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.06.

Stykalin, A. S. “Pol'skii krizis 1980–1981 godov i pozitsiia rukovodstva Vengrii. Opyt sobytii 1956 goda v 25-letnei retrospective.” *Slavianovedenie*, 2011, No 5, pp. 52–67.

Stykalin, A. S. “«Prazhskaia vesna» 1968 goda i pozitsiia rukovodstva Vengrii.” *Novaia i noveishaia istoriia*, 2012, No 5, pp. 21–41.

Stykalin, A. S., Dzhaliilov, T. A. “«Dumat', chto kommunisticheskoe obshchestvo budet v predelakh granits Sovetskogo Soiuza, – eto znachit nichego ne ponimat' v kommunizme». Neopublikovannoe vystuplenie N. S. Khrushchova v Vengrii (aprel' 1958 g.)” *Slavianskii al'manakh*, 2022, No 1–2, pp. 389–419. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.4.04.

Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok. 1956–1959. Budapest: MTA, 1997, 498 p.

Vstrechi i peregovoryi na vysshem urovne rukovoditelei SSSR i Vengrii. 1957–1964. Sbornik dokumentov, ed. by A. V. Iurasov, preface and comm. by A. S. Stykalin. Moscow: Kuchkovo pole Muzeon, 2023, 992 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.06

A. S. Stykalin

The Hungarian Experience of Building Socialism in the Era of János Kádár in a Historical Retrospective

Alexander S. Stykalin

Candidate of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

Leading Specialist

Russian State Archive of Social-Political History

125009, Bol'shaya Dmitrovka 15, Moscow, Russian Federation

E-mail: zhurslav@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0834-9090

Citation

Stykalin A. S. The Hungarian Experience of Building Socialism in the Era of János Kádár in a Historical Retrospective // *Slavic Almanac*. 2025. No 1–2. P. 139–160 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.06

Received: 09.12.2024.

Revised: 12.02.2025.

Accepted: 18.03.2025.

Abstract

The Hungarian Communist politician János Kádár, having come to power with direct Soviet military support in November 1956 in the days of a deep internal political crisis in the country, had to fully comply with the will of Moscow at the early stage of his tenure as the head of the government. However, having consolidated his power and proven to the Soviet leaders that he was in complete control of the situation in Hungary, he could allow himself more independence in foreign and domestic policy. Since the early 1960s, the regime has steadily developed along the path of liberalization in accordance with the declared principle “whoever is not against us is with us”. In 1968, an economic reform was launched aimed at making the economy more efficient, but in 1972–1974 it was forced to be curtailed due to internal contradictions and ongoing Soviet pressure. With the refusal of reforms, the Hungarian model of socialism entered a period of crisis; it was only possible to maintain the already achieved level of welfare and to minimize public discontent with the help of a growing external debt. The specifics of this model, however, ensured a fairly smooth transition to an entirely different model in the context of a “change of systems” at the turn of the 1980s – 1990s.

Keywords

Hungary, Hungarian events of 1956, Hungarian model of socialism, János Kádár, Soviet-Hungarian relations, socialist reforms.